

ДМИТРИЙ КЕДРИН

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Публикация Л. И. Кедринной

Предисловие Я. Белицкого

...1941 годом помечена пожелтевшая четвертушка бумаги, обнаруженная недавно в архиве поэта. Не строчки будущего стихотворения, не услышанная где-то фраза, нет. Это — рецепт, выписанный врачом-окулистом и заброшенный Дмитрием Кедринным в самый дальний ящик стола...

Минус 16 диоптрий.

Любям с таким катастрофическим зрением нечего и думать об армии. Но всюду — в райвоенкомате, в Союзе писателей, в ПУРе РККА — поэт просил об одном: сделать для него исключение. Первая в жизни просьба человека, всегда хлопотавшего за других и не мыслившего никаких льгот для себя. А пока решали этот вопрос, он не сидел сложа руки — он считал себя мобилизованным: дежурил на крышах во время бомбежки, рыл вместе с соседями укрытия во дворе (помните, их тогда называли «щелями»), но никогда, даже в часы самых ожесточенных налетов, он не спускался в эту щель. И уговаривать его было бесполезно.

Война открыла в этом сугубо штатском, застенчивом человеке какие-то новые, доселе неизвестные черты. Он даже внешне изменился. Забегая вперед, стоит рассказать о том, что друзья поэта, которые и представить-то его не могли в военной форме, были поражены, когда поздней осенью сорок третьего года на заседание одной из секций Союза писателей уверенно вошел улыбающийся человек в ладно пригнанном полушубке и лихо заломленной ушанке. Это был военный корреспондент газеты 6 воздушной армии «Сокол Родины» Дмитрий Кедрин, прибывший на несколько дней в Москву, в служебную командировку.

Да, он изменился не только внешне. Высокий гражданский пафос, умение видеть каждое событие в широкой исторической перспективе — все то, что было присуще Кедрину, получило в годы войны в его стихах новые интонации, более сильное звучание.

В письмах из Действующей армии Дмитрий Кедрин рассказывал обо всем увиденном и пережитом. Когда сейчас перечитываешь эти письма, перед глазами зримо встают люди, с которыми поэт встречался. Видишь летчиков, которые «играют в волейбол и весело хохочут. Через полчаса они переоденутся и пойдут на выполнение боевых заданий. Это особый, очень спокойный и очень героичный народ». Видишь одиннадцатилетнего мальчика Витю — «мать и отца у него убили немцы. Его взял на воспитание полк. Витя ходит в форме, с револьвером, в погонах, учится, выполняет легкую работу. Он подтянут и дисциплинирован...» (ЦГАЛИ, ф. 1706, оп. 1, ел. хр. 24, л. 58). На страницах записных книжек мы встретимся и с летчиком Федоровым, который «летает без ноги, управляя протезом», и с прославленной партизанкой Марусей.

Д. Б. КЕДРИН

Рис. Ар. Гагашьяна. Сделан в редакции газеты «Сокол Родины». Северо-Западный фронт, 1943

Фотокопия

Центральный архив литературы искусства, Москва

В «Соколе Родины» печаталось много произведений Кедрина. Неизменной популярностью у читателей газеты пользовались веселые, крепко сбитые стихи, под которыми стояла подпись — «Вася Гашеткин». Это — один из братьев Василия Теркина, представитель того славного семейства, откуда вышли неунывающие солдатские побратимы — Иван Гвоздев, Гриша Танкин и многие другие. Вася Гашеткин — детище Дмитрия Кедрина. Ни одно мало-мальски заметное событие не ускользало от острого глаза Васи Гашеткина. Он рад рассказать и о боевом эпизоде, только что происшедшем с его однополчанином, и поздравить с доброй вестью Совинформбюро, и вволю поиздеваться над «теорией» фашистских главарей, объяснявших свои неудачи на фронте суровым русским климатом:

Русским, — врал фашистский пес,
Под Москвою битый, —
Помогает дед-мороз,
Генерал сердитый!
Дни зимы не наш сезон,
Подождем до лета!..
Что же нынче сбредет он
И его газета?

В силу логики прямой
Падает их марка:
Слишком яблоко им зимой,
Летом — слишком жарко.

«Ты спрашиваешь меня — хорошо ли мне и спокойно ли я себя чувствую. Да, родная, — пишет он жене 11 июля 1943 г. — Я чувствую себя хорошо, насколько это возможно для человека, живущего вдали от семьи. Отношение товарищей ко мне хоро-

шее, я делаю полезное дело, пишу иногда стихи, которые нравятся мне самому, вижу много интересного. А главное — я чувствую себя нужным, я чувствую себя в строю. Все это дает мне большое моральное удовлетворение» (ЦГАЛИ, там же, лл. 17—18).

Боевая деятельность Кедрина в армейской газете явилась прямым продолжением его многолетней журналистской работы. Свой путь он начал газетчиком, и никогда эта работа не была для него чем-то побочным, второстепенным. Перелистайте сегодня подшивки комсомольских газет Ека теринослава 20-х годов, перечитайте его материалы в мытищинской «Кузнице», и вы ощутите на своем лице горячее дыхание тех далеких дней. Он неприменимый участник налетов «легкой кавалерии», он там, где «грохочет швеллерный, ликвидируя долгий прорыв», он в самой гуще буден, он активный их участник.

В «Сокол Родины» Дмитрий Кедрин пришел уже зрелым журналистом, и это помогло ему быстро найти свое место в боевом строю. Оценивая свою работу за годы войны, он с полным правом мог сказать

В желанный час победы:
— И моего
Тут капля меда есть!

ДЕНЬ СУДА

За то, что каскою рогатую увенчан
И в шкуру облачен, ты был, как гуни, жесток,
За пепел наших сел, за горе наших женщин,
От милых сердцу мест ушедших на восток,

За горькую тоску напевов похоронных
Над павшими в огне кровопролитных сеч,
За вбитые в глаза немецкие патроны,
За головы детей, разбитые о печь,

За наши города, за храмы наших зодчих,
Повергнутые в прах разбойничьей пальбой,
За наш покой, за то, что на могилах отчих
Ругаются скоты, возвращенные тобой,

За хлеб, что ты украл с широких наших пашен,
За бешенство твоих немецких Салтычих,
За безутешный плач несчастных пленниц наших
На каторге твоей, и за бесчестье их,

За всех, кто был убит в церквах, в подвалах, в ригах,
Кто бился на кострах, от ужаса крича, —
Исполнится написанное в книгах:
Поднявший меч погибнет от меча!

Как бешеного пса, тебя в железной клетке
На площадь привезут народу напоказ —
И матери глаза закроют малолеткам,
Чтоб не пугаться им твоих свирепых глаз.

И грохот костылей раздастся на дорогах:
Из недр своих калек извергнут города.
Их тысячи — слепых, безруких и безногих
На площадь приползут в день твоего суда.

ОККУПАНТЫ

Рисунок Н. И. Кирсанова (итал. карандаш)

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

И крови не омыв, не отирая пота,
Не слыша ничего, не видя ничего,
Чудовищной толпой сойдясь у эшафота,
Слепые завопят: — Отдайте нам его!

И призраки детей усядутся в канавах,
И вдовы принесут в пустых глазах тоску...
Куда тебе бежать от пальцев их костлявых,
Что рвутся к твоему сухому кадыку?

И встанут мертвецы. Их каждый холм, и пажить,
И рощица отдаст в жестокий этот час.
Их мертвые уста тебе невятно скажут:
— Ты все еще живешь, злодей, убивший нас?

Тебя отвергнет друг, откажет мать в защите,
Промолвив: — Пусть над ним исполнится закон,
Мне этот зверь не сын. На суд его тащите.
Я проклиная день, когда родился он.

Тогда впервые ты почувешь смертный ужас
И, слыша, как твоя седеет голова,
Завертись ужом, уйти от кары тужась,
И станешь лепетать о милости слова.

Но проклят всеми ты. И милости не будет:
Враги тебе — земля, и воздух, и вода...
И если правда есть, и если подлость судят,
То скоро для тебя наступит День Суда.

1943 г.